

УДК 325.1(519:470)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95>

Оформление правового положения корейских мигрантов в России в XIX в.

Е. С. Бурдин

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. Рассматривается процесс миграции корейских подданных на территорию российского Дальнего Востока, вызвавший необходимость правового регулирования положения мигрантов. Делается вывод, что дальневосточные власти изначально воспринимали обосновавшихся в Южно-Уссурийском крае корейских переселенцев как подданных России, но не могли предоставить им все льготы в соответствии с российским законодательством, так как такой шаг мог вызвать протесты со стороны Кореи и Китая.

Ключевые слова: Дальний Восток, Корея, корейская миграция, Южно-Уссурийский край.

Для цитирования: Бурдин Е. С. Оформление правового положения корейских мигрантов в России в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 95–101. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95>

Вторая половина XIX в. характеризовалась активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке. Воспользовавшись слабостью Китая из-за восстания тайпинов (1850–1864 гг.) и второй опиумной войны (1856–1860 гг.), Россия подписала Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры. По условиям данных соглашений в состав Российской империи вошли Приамурье и Приморье, тогда же по реке Туманган была определена граница между Россией и Кореей. В начале 1864 г. через эту границу в Южно-Уссурийский край пришли первые семьи корейцев общей численностью 65 чел. Гонимые голодом, нищетой и деспотизмом корейских властей, мигранты образовали первое корейское поселение в России – деревню Тизинхэ, получившую название в честь одноименной реки. Данное событие стало началом корейской миграции на российский Дальний Восток.

С этого момента местные власти стали предпринимать попытки оформить правовой статус иностранных мигрантов [5, с. 95]. В частности, в 1865 г. военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич, чтобы оградить переселенцев от преследований правительства Кореи и китайских чиновников (Сеул в тот период находился под влиянием Пекина), предложил Совету Главного управления Восточной Сибири зачислять их в «государственных крестьян». Однако это предложение было отклонено, поскольку у корейцев отсутствовало российское подданство.

В 1866 г. вопросами устройства быта корейцев в Приморской области заинтересовался генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков. По его распоряжению с 1 января 1867 г. был введен новый порядок управления

Южно-Уссурийским краем, заселенным преимущественно выходцами из Кореи [6, с. 207–208]. В соответствии с новыми правилами окрестности залива Петра Великого выделили в отдельную административно-территориальную единицу – Суйфунский округ, руководство которым было возложено на начальника Новгородского поста. Ему в помощь назначался офицер, управлявший населением на правах земского исправника. Позднее в округе была учреждена еще одна офицерская должность «заведующего корейцами» [5, с. 98]. Его деятельность регламентировалась Инструкцией заведующему Суйфунским округом по управлению туземным, корейским, китайским и маньчжурским населением по доставлению срочных сведений, которую составил военный губернатор Приморской области И. В. Фуругельм в конце 1866 – начале 1867 г. Инструкция предписывала избрать старшину и двух помощников в каждом корейском селе и урочище, где находились не менее 10 дворов. Возложить на них обязанность предупреждать и пресекать беспорядки и самоуправство, а также доносить обо всех подобных случаях и прочих происшествиях командованию поста. Полномочий налагать на нарушителей каких-либо взысканий старшинам не предоставлялось.

Со второй половины 1870-х гг. Корея попала под сильное влияние Японии, что привело к окончанию политики самоизоляции корейского государства. Изменившаяся ситуация на Дальнем Востоке позволила российскому правительству в конце 1870-х гг. начать переговоры об установлении официальных отношений с Сеулом. В преддверии указанных переговоров администрация Восточно-Сибирского генерал-губернаторства вплотную занялась корейским вопросом. Для организации переписи корейского населения, а также сбора сведений о поселениях корейцев, их образе жизни и занятиях генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-адъютант барон П. А. Фредерикс направил в Южно-Уссурийский край старшего чиновника особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири В. Н. Висленева [3, с. 38]. Такое пристальное внимание центральных и местных властей свидетельствовало о нацеленности Петербурга на выработку конкретного подхода к корейской миграции.

В 1884 г. Россия и Корея установили дипломатические отношения. Но несмотря на это, внешнеполитическим ведомствам обеих стран не удалось сразу выработать единую позицию по проблеме обосновавшихся на российской территории корейцев. Царское правительство было настроено на признание этих мигрантов российскими подданными. Именно такая идея была отражена в инструкции Министерства иностранных дел российскому поверенному в Корею К. И. Веберу в 1885 г. Документ предписывал убедить корейское правительство в необходимости признания подданными России и наделении соответствующими правами всех корейцев, переселившихся на российскую территорию до заключения договора 1884 г. [Там же, с. 51].

В соответствии с инструкцией К. И. Вебер поднял проблему правового статуса корейских мигрантов в ходе переговоров о сухопутной торговле в 1886–1888 гг. Необходимо отметить, что русский дипломат смог убедить президента коллегии иностранных дел Кореи Ким Юн Сика внести в первоначальный проект договора статью о признании российской юрисдикции над

всеми корейцами, прибывшими в Россию до 1884 г. Однако в последний момент корейское правительство изменило свое решение, не пожелав публично отказываться от своих подданных. При этом корейская сторона не возражала против того, чтобы российские власти продолжали соблюдать достигнутые устные договоренности [5, с. 103].

Таким образом, в 1888 г. вопрос о подданстве корейских переселенцев в России не получил окончательного разрешения. Мероприятия по оформлению правового статуса мигрантов отныне проводились на основании норм Российско-корейской конвенции о приграничных сношениях 1888 г., а также устного (джентльменского) соглашения между К. И. Вебером и Ким Юн Сиком. Было решено, что корейцы, прибывшие в Россию до заключения договора между Россией и Кореей о дружбе и торговле, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г., признавались российскими подданными. Мигранты, переселившиеся после этого срока, депортировались. Им предписывалось получить за определенную плату так называемые русские билеты (виды на жительство), ликвидировать свои хозяйства и вернуться на родину.

В феврале 1891 г. приморский губернатор П. Ф. Унтербергер направил представление приамурскому генерал-губернатору А. Н. Корфу, в котором предложил разделить проживающих в Приморской области корейцев на три категории. Документ также содержал порядок действия властей по отношению к каждой из этих групп. Представление было изучено и доработано в канцелярии генерал-губернатора, после чего в виде циркуляра № 2977 от 21 июля 1891 г. разослано в адрес военных губернаторов Приморской и Амурской областей [5, с. 106]. По распоряжению А. Н. Корфа корейцы разделялись на три категории следующим образом [4, с. 3].

Первая категория – корейцы, предназначенные к принятию в русское подданство. К их числу были отнесены переселенцы, осевшие в крае до подписания договора об установлении русско-корейских дипломатических отношений, т. е. до 25 июня (7 июля) 1884 г. Домохозяйствам этой категории предписывалось выдавать свидетельства за подписью начальника округа, в которых указывались год переселения и состав семьи мигрантов. На основе выданных свидетельств формировались посемейные списки, передававшиеся на хранение в местные сельские общественные управления.

Мигранты первой категории привлекались к исполнению денежных и натуральных земских повинностей наравне с крестьянами, прожившими в крае не менее 20 лет. При создании отдельных деревень или сельских обществ им выделялись особые земельные наделы из расчета 15 десятин на семью. Данные участки строго запрещалось сдавать в аренду корейцам, временно находящимся в крае.

Корейские селения или вводились в состав крестьянских обществ, или преобразовывались в особые общественные управления на основаниях, которые действовали в отношении других крестьянских поселенцев. На таких же общих условиях допускался переход корейцев из одного сельского общества в другое. Мигрантам предписывалось состричь шишки и косы, являющиеся элементами традиционной прически в Корее. Корейцы первой категории приводились к присяге на российское подданство.

Во вторую категорию попали корейцы, переселившиеся в Россию и приобретшие оседлость после 25 июня (7 июля) 1884 г., но желавшие принять российское подданство и исполнять правила, введенные для корейцев первой категории. Указанные лица лишались права на дальнейшее пользование казенной землей. Им предписывалось в двухлетний срок ликвидировать свои хозяйства, освободить самовольно занятые земельные участки и обзавестись национальными паспортами. В течение этого времени они несли денежные и натуральные повинности на одинаковых условиях с корейцами первой категории.

Корейским мигрантам второй категории выдавались годовые русские билеты с взиманием налога в размере, установленном для корейцев, прибывающих из Кореи. К лицам, в двухлетний срок не исполнившим требований властей, применялись правила, действовавшие в отношении мигрантов, пришедших в Россию без национальных паспортов.

К третьей категории отнесли корейцев, проживавших в Приамурском крае временно, на заработках. Представители этой категории могли оставаться на территории России только после получения русских билетов. Им было запрещено самовольно селиться и устраивать хозяйства на казенных землях.

Летом 1892 г. корейское население было распределено по указанным категориям. Главную роль в этом сыграла особая комиссия под председательством начальника Южно-Уссурийского края А. В. Суханова [3, 54]. В результате к первой категории были отнесены 1855 семей, ко второй – 1055 [7, с. 33]. Однако в отчете чиновника особых поручений Н. А. Насекина отмечалось, что члены указанной комиссии не знали корейского языка, из-за чего при определении принадлежности мигрантов к той или иной категории чрезмерно полагались на мнения переводчиков, а также волостных и сельских руководителей. Последние пользовались этим обстоятельством и зачисляли в первую категорию своих родственников и друзей, прибывших в Россию в том числе после 1884 г. В то же время многие старожилы, не имевшие такой протекции, несправедливо попадали во вторую категорию [2, с. 59].

В дальнейшем распоряжением властей Приамурского края полномочия по определению лиц, подлежащих выселению, были переданы корейским обществам [5, с. 107]. Главную роль в отборе кандидатов на получение подданства стали играть корейская сельская и волостная администрации, а также нижние чины полиции. [4, с. 54–55]. Это создало почву для злоупотреблений со стороны как представителей корейских обществ, так и российских чиновников.

В этот период в адрес властей поступали индивидуальные и коллективные обращения корейцев второй категории с просьбой оставить их в России. Но приамурская администрация принципиально отклоняла все запросы, чтобы не создавать нежелательных прецедентов. Убедившись в твердости позиции российской власти, корейцы начали постепенно ликвидировать свои хозяйства и переселяться обратно в Корею. Часть мигрантов, однако, предпочла осесть в Маньчжурии, где им было разрешено занять свободные земельные участки [8, с. 112–113].

Вместе с тем некоторые зажиточные мигранты второй категории, имевшие крупные хозяйства и не желавшие покидать русские пределы, прибегали

к хитрости и приобретали свидетельства о принадлежности к первой категории у корейцев, уезжавших обратно в Корею. Таким образом, они остались жить в России под чужими именами [2, с. 59].

Пришедший на смену А. Н Корфу в 1893 г. новый приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской был сторонником использования труда корейцев для освоения края и настаивал на принятии их в русское подданство с наделением землей. Ссылаясь на накопленный положительный опыт, он потребовал ускорить принятие в подданство переселенцев первой категории и считал целесообразным дать отсрочку представителям второй [3, с. 57]. В результате в 1895–1896 гг. к присяге были приведены корейцы Суйфунского и Посыетского участков. В 1897–1898 гг. подданство приняли оставшиеся мигранты из этих районов, не получившие его ранее по разным причинам. Воспользовавшись благосклонностью новой администрации, многие корейцы второй и третьей категорий также стали ходатайствовать о принятии их в российское подданство.

Взяв в расчет выводы Н. А. Насекина об упущениях в работе комиссии по разделению корейцев на категории и злоупотреблениях переводчиков, волостных и сельских начальников, С. М. Духовской пересмотрел численность мигрантов каждой категории. В результате в 1895 г. к первой категории были причислены уже 11 311 чел., во второй – 2,4 тыс. и к третьей – 3 тыс. [1, с. 28].

Новый приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков продолжил политику своего предшественника. При нем в 1898 г. была образована комиссия по упорядочению положения китайских и корейских мигрантов. На основе разработанного комиссией положения российское подданство получили все еще не принявшие его к этому времени корейцы первой категории. Кроме того, было обещано принять в подданство тех мигрантов второй категории, которые прожили в Уссурийском крае не менее 5 лет.

В 1900 г. вопрос о правовом положении корейцев, переселившихся в Россию после 1884 г., был окончательно урегулирован. Все они получили российское подданство и были включены в сословие государственных крестьян. Приведенные к присяге корейцы наделялись землей в размере 50 десятин на семью, на них распространялось налогообложение наравне с российскими крестьянами. Дальневосточным властям предписывалось принять меры к скорейшей ассимиляции этих мигрантов с русским населением [3, с. 59]. Корейцы, проживавшие в городах, были зачислены в мещанское общество.

Следует отметить, что в вопросе о статусе переселившихся в российские земли корейцев длительное время сохранялась неопределенность. С одной стороны, корейское переселение на Дальний Восток началось в 1864 г. с согласия и при поддержке дальневосточной администрации. Ввиду этого русские чиновники изначально воспринимали корейских переселенцев как подданных России, оказывали им содействие при обустройстве и разрешали обрабатывать столько земли, сколько те в состоянии были освоить. На корейских мигрантов фактически распространялось крестьянское общественное самоуправление и русские законы [8, с. 116].

С другой стороны, корейцы переходили на русский Дальний Восток, не имея на это официального разрешения властей России и Кореи, т. е. с юридической точки зрения нелегально. Из-за этого дальневосточная администрация

не решалась предоставлять им все льготы в соответствии с законом от 27 апреля 1861 г. «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приамурской областях Восточной Сибири». Такие действия могли спровоцировать протест Сеула, у которого были бы основания рассматривать их как демонстрацию Петербургом своей юрисдикции над корейскими подданными.

Кроме того, царское правительство должно было учитывать позицию и интересы Пекина. Цинский Китай в тот период всерьез опасался потерять свой традиционный сюзеренитет над Кореей, из-за чего негативно реагировал на российско-корейские приграничные контакты и даже пытался препятствовать установлению дипломатических отношений между Петербургом и Сеулом.

В таких обстоятельствах руководство России не могло пойти по иному пути, кроме как отложить решение проблемы оформления правового положения корейских мигрантов до момента установления официальных российско-корейских контактов.

Список литературы

1. *Духовской С. М.* Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. 172 с.
2. *Насекин Н. А.* Корейцы Приамурского края. М. : Книга по требованию, 2012, 63 с.
3. *Пак Б. Д., Бугай Н. Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. 464 с.
4. *Песоцкий В. Д.* Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1913. 188 с.
5. *Петров А. И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток : ДВО РАН, 2000. 304 с.
6. *Рагоза А.* Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник, 1903, № 6, с. 206–222.
7. *Риттих А. А.* Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб. : Тип. Министерства Внутренних дел, 1899. 160 с.
8. *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб. : Типография В. О. Кишбаума, 1900. 324 с.

Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s 19th Century

E.S. Burdin

Far-East Institute of Management, Branch of RANEP, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract. After the start of Korean migration to Russia in 1864, the Russian authorities began to make attempts to formalize the legal status of the arrived migrants in order to protect them from persecution by the Korean government and its patron China. Areas of compact residence of Korean immigrants were separated into a separate administrative-territorial unit – Suifun District, where the post of “head of Koreans” was established. Separate elements of local self-government were introduced in the Korean settlements. After the establishment of official diplomatic relations with Korea in 1884, the problem of the legal status of Korean migrants in Russia became one of the important topics on the agenda of Russian-Korean negotiations. Due to its decision, Petersburg wanted to stop the uncontrolled transfer of the population from Korea to the Russian Far East and prevent the unauthorized seizure of state lands by Korean settlers. In 1888, the Russian authorities managed to partially resolve the issue of citizenship of the Korean settlers who settled in Russia. From now on, measures to formalize their legal status were carried

out on the basis of the norms of the Russian-Korean convention on border relations of 1888, as well as an oral (gentleman's) agreement between K.I. Weber and Kim Yun Sik. An agreement was reached that the Koreans who settled in Russia before the establishment of Russian-Korean diplomatic relations were recognized as equal with Russian subjects. Migrants who settled in the region after the conclusion of this agreement were to liquidate their farms and return to their homeland. The issue of the status of Korean immigrants was finally settled only in 1900. Russian citizenship was granted to all migrants, including those who resettled after 1884. The author comes to the conclusion that the Far Eastern authorities initially perceived the Korean settlers who settled in the South Ussuriysk Territory as subjects of Russia, but could not provide them with all the benefits in accordance with Russian law, since such a step could cause protests from Korea and China.

Keywords: Far East, Korea, Korean migration, South Ussuri region.

For citation: Burdin E. S. Registration of the Legal Status of Korean Migrants in Russia in the 80s 19th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 95-101. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.95> (in Russian)

References

1. Dukhovskoi S.M. *Vsepoddaneishii otchet Priamurskogo general-gubernatora General-Leitenanta Dukhovskogo* [The most submissive report of the Amur Governor-General, Lieutenant-General Dukhovsky]. 1893, 1894 i 1895 gody. Saint Petersburg, 1895, 172 p. (in Russian)
2. Nasekin N.A. *Koreitsy Priamurskogo kraya* [Koreans of the Amur Territory]. Moscow, Book on demand Publ., 2012, 63 p. (in Russian)
3. Pak B.D., Bugai N.F. *140 let v Rossii. Ocherk istorii rossiiskikh koreitsev* [140 years in Russia. Essay on the history of Russian Koreans]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2004, 464 p. (in Russian)
4. Pesotskii V.D. *Koreiskii vopros v Priamur'e* [The Korean question in the Amur region]. Khabarovsk, Printing house of the Office of the Amur Governor-General Publ., 1913, 188 p. (in Russian)
5. Petrov A.I. *Koreiskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60-90 gody XIX veka* [Korean Diaspora in the Russian Far East. 60-90s of the XIX century]. Vladivostok, Far Eastern Branch RAS Publ., 2000, 304 p. (in Russian)
6. Ragoza A. *Kratkii istoricheskii ocherk pereseleniya koreitsev v nashi predely* [A brief historical sketch of the resettlement of Koreans to our borders]. *Voennyi sbornik* [Military collection], 1903, no. 6, pp. 206-222. (in Russian)
7. Rittikh A.A. *Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v Yuzhno-Ussuriiskom krae* [Resettlement and peasant business in the South Ussuri region]. Saint Petersburg, Printing house of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1899, 160 p. (in Russian)
8. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast'. 1856-1898 gg. Ocherk* [Primorsky region. 1856-1898 Feature article]. Saint Petersburg, Printing V.O. Kirshbaum Publ., 1900, 324 p. (in Russian)

Бурдин Евгений Сергеевич

аспирант

Дальневосточный институт
управления – филиал РАНХиГС
Россия, 680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьева-Амурского, 33
e-mail: burdin-1955@mail.ru

Burdin Evgeny Sergeevich

Postgraduate

Far-East Institute of Management,
Branch of RANEPА,
33, Muravyov-Amursky st.,
Khabarovsk, 680000, Russian Federation
e-mail: burdin-1955@mail.ru